Марианна Красовская

Сокровище Дархана

Люди огня

Марианна Красовская

Сокровище дархана

«Автор»
2025

Красовская М.

Сокровище дархана / М. Красовская — «Автор», 2025 — (Люди огня)

Юная принцесса Ситара ждет своего возлюбленного — того, кто пробудит в ней огонь предков и вторую ипостась, ведь только настоящие драконы могут править Дарханаем. Возлюбленный приходит за ней, но слишком поздно. Ситару похищает другой претендент на руку и сердце принцессы. Ингвар со своим побратимом бросаются в погоню, принцесса томится в гареме Угурского Змея, а дракон внутри нее так и не желает пробуждаться…

© Красовская М., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Ситара 8
Глава 2. Похищение 11
Глава 3. Путешествие 14
Глава 4. Обстоятельства 17
Глава 5. Сокровище дархана 21
Глава 6. Договор 25
Глава 7. Хашур 29
Глава 8. Полезные уроки 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Марианна Красовская
Сокровище дархана

Пролог

Весна в степях выдалась на редкость горячей. Полуденное солнце способно было прожечь дыру даже в самом привычном к этой жаре кохтэ[1], поэтому мало кто осмеливался покинуть свой шатер днем. А на рассвете еще можно, и два молодых человека проснулись очень рано, чтобы успеть и воды принести из ручья, и прогуляться, и просто вдоволь поваляться на траве, чем они и занимались.

– Ингвар, ты баран!

– Согласен.

Рыжеволосый юноша мечтательно прикусил травинку, щурясь. Он разглядывал облака на небе как невероятное чудо – с искренним восторгом и радостным удивлением. Его товарищ, крепкий смуглый парень в алой шелковой рубашке, даже задрал голову, чтобы поглядеть: что там такого в этом небе? Птицы ли странные летят, а может, близится долгожданный дождь? Но небо было совершенно обычным, и облака тоже были обычные – словно нанесенные крупными мазками на голубое полотно.

– Женщины – они ведь для чего нужны? – упрямо продолжал краснорубашечный, ероша короткие черные волосы. – Для удовольствий!

– А я думал, для любви, – мягко и слегка укоризненно заметил тот, кого назвали Ингваром.

– Так я о том же! Любовь – она знаешь какая сладкая? Ох, ко мне в шатер ночью приходила Джайя, до чего ж нежная у нее кожа! А грудь знаешь какая?

– Мне плевать, – коротко ответил Ингвар, переворачиваясь наконец на живот. – Сам ведь знаешь, для меня существует только Ситара.

– Врешь ты все. Прекрасно для тебя другие существуют. На реке кто вместе со мной в камыше прятался, когда наши стирали? И не говори, что не понравилось. И Ситару свою драгоценную ты бы с удовольствием зава…

– Асахан! – Голос рыжеволосого вдруг взвился как птица. Ингвар ясно давал понять: не позволит даже слова лишнего в адрес любимой.

– Я и говорю: баран! – не унимался приятель, нисколько не испугавшийся. – Бабам это нравится не меньше, чем нам. Иначе б сами не приходили. Нет, конечно, доставить удовольствие женщине тоже нужно уметь, но на самом деле ничего…

– Асахан!

– Ну что Асахан, Асахан? Скажи еще, что не хочешь свою дарханайку. Не мечтаешь о ней ночами? Тогда ты просто евнух!

– И хочу, и мечтаю, – сдался Ингвар. – Но не это важно, ты пойми. Я ее просто… люблю.

– Ай, ладно. – Асахан широко зевнул и прикрыл глаза. – Ты больной, но, к счастью, не заразный. Любишь, и славно. Вот только дархан ее тебе не отдаст, верно? Что делать будем?

– Украду, – совершенно спокойно и ровно произнес юноша.

Асахан сел рывком, с изумлением уставившись на друга.

– Без меня? – с искренним возмущением воскликнул он. – Снова?

Ингвар хмыкнул, косясь на яркое солнце.

– Жарко, как в пламени костра, – заявил он, – пора возвращаться.

– Нет, погоди! Ты собрался опять в Дарханай – и без меня?

Рыжеволосый только плечами пожал, подхватывая наполненные водой меха. Обсуждать что-то было рано. Да и корабли его родича давно уж уплыли. Сначала нужно было посоветоваться с отцом, а потом что-то предпринимать.

Асахан недобро посмотрел в спину друга, скривил губы, но больше ничего не сказал: знал, что бесполезно.

Юноши были меньше, чем друзьями, но больше, чем братьями. По меркам народа кохтэ они были очень близкими родственниками: Асахан – сын Великого хана, Ингвар – первенец ханской сестры. Если бы они были рядом с младенчества, они бы срослись в единое дерево, до того они друг друга дополняли. Асахан – порывистый, скорый на слово и дело, смелый до безумия и верный до смерти. Ингвар – молчаливый и тихий, скрывающий от всех мысли свои и чувства, осторожный и очень глубокий. Любое его слово – как истина, как камень: упало – и не поймаешь. Если Ингвар встал и пошел, остановить его может не каждый.

Великий хан Баяр очень быстро угадал, что двое этих мальчишек идеально дополняют друг друга, и на всех тренировках ставил их в пару, силой заставляя если не дружить, то хотя бы учиться быть одним целым в бою. Не сразу, но Ингвар и Асахан друг друга поняли, взвесили и оценили. Настоящими друзьями, такими, как их отцы, не стали. Асахан по-прежнему считал Ингвара выскочкой и неженкой, а Ингвар высмеивал неразумность и порывистость старшего приятеля. Но каждый без колебания доверил бы свою жизнь другому, это само собой разумелось.

Жизнь, но не мысли и не душу.

Асахан до сих пор припоминал, как Ингвар несколько лет назад без него побывал в закрытом для кохтэ Дарханае, да еще ухитрился увидеться со своей «принцесской». И завидовал, конечно. Все же сам Сахи (так ласково называла Асахана мать) ни разу не покидал границы Степи. Когда ему было четырнадцать, отец хотел взять его в поход на угуров, но парень ухитрился сломать ногу, грохнувшись с коня.

– Не судьба, – насмешливо заявила мать, сама надевшая боевой доспех и отправившаяся с отцом. – Значит, будешь дома присматривать за младшими, великий воин!

Стоит ли говорить, что то лето было самым отвратительным в жизни Асахана? Даже несмотря на то, что Ингвара хан тоже оставил в стане – для компании, как он выразился.

Но у Ингвара отец – посол кохтэ, и он несколько раз брал сына в свои поездки. Асахана не брал никто и никуда. И вот теперь его заклятый друг, этот рыжий сын шакала, задумал какую-то каверзу и его, своего напарника, не хотел даже посвятить в свои планы!

– Нет, ты послушай, – закричал юноша, бросаясь за Ингваром. – Мы же побратимы! Мы же вместе, одно целое!

– В бою, – уточнил рыжий, даже не оборачиваясь.

– А ты думаешь, тебя там, в Дарханае, ждут с распростертыми объятиями? Да тебе с корабля сойти не дадут, ты же приметный!

– У меня есть план.

– А если что-то пойдет не так?

– Я оборотень, справлюсь.

– Но я хочу с тобой! – отчаялся уже Асахан.

– Ладно.

Вот ведь лис проклятый! Асахан вдруг очень ясно понял, что братец его вовсе не собирался с ним спорить. Скорее всего, в «плане» нашлось место и ему. Ведь вдвоем они были гораздо сильнее, чем поодиночке! А Ингвар – хитрец, он, конечно же, все продумал до мелочей и рисковать своим рыжим хвостом вовсе не будет.

Солнце беспощадно поджаривало макушки и плечи. Рыжий и белокожий Ингвар весь покраснел, но по нему невозможно было сказать, что его что-то беспокоит. А Асахан, хоть и был уже черен как головешка, не переставал ворчать:

– Дождя бы скорее. Сказал бы отцу своему, чтобы моего попросил. Ох, я сварюсь сейчас.

– Сам скажи. Это Дженна у нас шаманка. Ей дождь вызвать – раз плюнуть.

Асахан содрогнулся и помотал головой:

– Вот уж не надо. Мама слишком горяча. Если дождь, то нас затопит. Если снег – засыплет стада. Может, оно само?

Ингвар равнодушно пожал плечами. Для него было странно, что приятель побаивается своей матери. Жена Великого хана не казалась ему страшной. Да, резкая на язык, скорая на дело, ядовитая, как змея, и страшная в ярости, как степная кошка. Но если ее не злить, то она и не укусит. Он, пожалуй, с ней даже дружил: иногда рассказывал Дженне то, чего никогда не сказал бы своей матери. А у Асахана и его сестер было наоборот – они бежали со всеми бедами к тетке, сестре их отца, матери Ингвара. Та утешала, утирала слезы, нянчилась с ними, как курица с цыплятами, юноша даже ревновал порой. Впрочем, он понимал – Листян любит всех детей без разбора. И не будь у нее племянников и еще двоих детей, кроме Ингвара, вся ее любовь обрушилась бы на первенца, словно тот самый дождь, вызванный Дженной. Лучше уж пусть так.

[1] Так называют свой народ степняки.

Глава 1. Ситара

– Нет во всем Дарханае девицы прекрасней. Погляди, доченька, как черны твои волосы – чернее самой темной ночи. Какие толстые у тебя косы – как храмовые змеи. Какая нежная кожа, какие брови…

– Дайя[1], прекрати. – Юная девушка вскочила, откидывая за спину полураспущенные косы, что «как храмовые змеи». – Надоела!

– Но звездочка моя…

– Хватит! – Девушка, и в самом деле редкая красавица, упрямо топнула ножкой. – Не хочу!

– Чего ты не хочешь, золотко?

– Ничего не хочу! В храм не хочу! Вторую ипостась не хочу! Править Дарханаем не хочу!

– А чего же хочет моя лиловая рыбка? Никак в Кох к своему дикарю? – В голосе старухи прозвучала насмешка с обидой напополам.

– Ингвар – не дикарь! Он очень умный и образованный.

– Он давно о тебе забыл, рыбонька. К тому же отец твой клялся, что ни одного коха на его земле не будет.

– Ничего он не забыл, – отвернулась от няньки принцесса Ситара, единственная дочь дархана Сераджа. – Не забыл!

Она знала точно: Ингвар придет за ней рано или поздно. Уже скоро.

Ее возлюбленный никогда о ней не забывал. Много лет подряд моревский корабел Неждан Вольский передавал ей подарки от Ингвара: роскошное седло и упряжь, шелковый платок, кожаные сапожки, золотые браслеты. Дархан Серадж сначала гневался и отсылал дары обратно, но кохтэ был упрям. Каждый год корабелы привозили что-то новенькое. К шестнадцатилетию Ситары Вольский привел во дворец великолепную степную кобылку, послушную, умную и очень красивую. Маленькую только, лохматую. Дархан, лошадей обожавший, не устоял, позволил ее оставить.

А еще (этого не знал никто, совсем никто) два лета назад Ингвар приходил сам. Он хитрый, он – лис. Как его не нашли на корабле – только ракшас знает. Прятался хорошо, наверное.

Неждан шепнул Ситаре пару слов, та немедленно оделась и побежала в храм – даже отец не смел ей этого запретить. И там они встретились.

Ничего не было, только пара слов, прикосновение пальцев и первый поцелуй, обжегший как клеймо. Ингвар по-прежнему был высоким и рыжим, Ситара – хрупкой и чернявой. И их любовь: настоящая, твердая, как алмазы сокровищницы Дархана, чистая, как воды реки Михлон.

– Ситара, рыбка, твой мальчик не пара тебе, – упрямо ворчала дайя Амритта. – И ты сама это знаешь. Не открылся рядом с ним твой огонь, не вспыхнули искры дарханов.

– Разве это важно, дайя? – снисходительно, по-взрослому, прищурилась юная принцесса. – Все это ерунда. У тебя ведь не открылся этот самый огонь, и ничего не случилось. И замужем была, и детей родила. А силы дархановы – так можно и без них прожить прекрасно!

– Не открылся, дочка. Мало у кого огонь открывается. Попробуй-ка из сотен тысяч людей найти того единственного… Оттого и уходят в небытие дарханы. Мы – последние.

– Отец мой – «Огонь Поядающий». Что, разве принесло это ему счастье? – Маленькая принцесса вдруг разозлилась. – Умерла его любимая, и всю жизнь скорбит! А не пришел бы на зов единственной его дракон, жил бы как все… спокойно и мирно.

– То-то и оно, дитятко, – покачала головой дайя Амритта. – Не познав сладость настоящей любви, не узнаешь и горечи утраты. Но кто хоть раз любил, тот никогда не откажется от этого чувства.

Ситара только фыркнула, поднимая вверх тонкие смуглые руки и позволяя верной своей дайе обернуть вокруг девичьего стана шелковое тхуни[2]. Принцесса не верила в сказки больше – с того самого момента, как поняла, что Ингвар – не тот, кому будет послушен ее дракон. Она отчаянно любила, а дракон не пришел. Разве это правильно?

Ситара точно знала, что она – дарханка. Иначе и быть не могло, ведь оба ее родителя имели вторую ипостась. Оба были дарханами. Одними из последних. И ребенок их непременно должен унаследовать древний огонь. Когда принцесса впервые встретила своего любимого, ей было лишь десять лет. Рано для пробуждения зверя, слишком рано. Но увидев его спустя шесть лет, поняла, что чуда не случилось. Ингвар – не тот, кто откроет ее суть. Но поняла также, что ей плевать. Она любит по-настоящему и не променяет свои чувства ни на что.

***

Принцессы не работают в полях, не стоят возле котлов, не следят за малышами, своими и чужими. Принцессы носят красивые тхуни и туфельки из мягчайшей кожи, невесомые и прочные – хоть бегай в них, хоть танцуй. Принцессы не прячут ни волосы, ни лицо. Их никто не посмеет сглазить, да и от жаркого солнца они не чернеют. В любое время дня и ночи принцессы могут искупаться в бассейне. Им не нужно искать место за кустами и наскоро обмываться в реке после тяжелой работы. Принцессы носят золотые браслеты, обручи, подвесы и кольца не только по праздникам, но и в любой день. В покоях принцесс всегда тишина, чистота и прохлада, а простыни – свежие каждый день.

Что и говорить, Ситаре нравится быть принцессой. Трудов у нее не так уж много. Развлекать мужчин умными речами, игрой на сароде и сладким пением. Танцевать для Великой Матери в храме. Играть в шахматы с дарханом по вечерам.

Раньше, когда она была ребенком, приходилось много учиться. Принцесса должна знать языки самых важных гостей: моревский, угурский, кохтский. А еще – множество диалектов Дарханая. К Ситаре приходили учителя. Утром она бежала на уроки пения, днем – математики, а вечером приходилось читать заморские книги. Науки давались ей легко, она была прилежной и старательной ученицей. И всегда помнила, что ее возлюбленный – сын кохтского дипломата, человека весьма образованного и умного. Нужно быть достойной невестой. Ленивых и глупых женщин никто не любит.

Потом в ней заворочался, заворчал дракон. Выпустить его на волю она никак не могла, для этого нужен был мужчина и его энергия, но стало еще сложнее. Можно оборачиваться драконом время от времени, можно его приручить и воспитать, а можно самой стать драконом. Видела Ситара таких людей, которые хуже животных, – иные в ссоре впадали в дикую ярость, круша все вокруг и не гнушаясь пролитием крови. Таковых заключали в темницу. Иные предавались всевозможным порокам: курили опиум, пили хмельное вино, блудили… Некоторые просто сходили с ума. Нет, Ситара не хотела для себя такой судьбы, а потому много времени проводила в храме Матери, усмиряя дух и плоть. Отец запретил ей отказываться от еды, но девушка все равно в некоторые дни ела лишь рис, овощи и вареное мясо. Ни меда, ни специй, ни сладостей, ни спелых фруктов в рот не брала. Потому, вероятно, и сумела своего дракона усмирить.

О кротости и красоте Ситары в Дарханае ходили легенды. Ее почитали как святую, ей поклонялись и приносили дары, которые она, впрочем, раздавала нищим.

И только дархан Серадж знал истинный характер своей дочери. Кротости в ней не было ни на пайсу[3], зато упрямства хватало на алмазную шахту. Да, девушка умела отменно притворяться овечкой, но за это ее дархан не судил. Лицемерие для будущей правительницы вовсе не зазорно. А вот то, что она совершенно не слушает отца, а все грезит своим кохом, Сераджа весьма раздражало. Но хуже всего было то, что ему самому парень нравился. Серадж глубоко

уважал его отца, «болтуна» Нарана. А сын был ничуть не хуже, только молчал, но это тоже хорошо. Такие вот молчаливые угодны Великой Матери даже больше, чем дипломаты.

Вот только в мужья Ситаре он не подходил.

Ситара – последняя из царствующего рода дарханов. Серадж и рад бы передать власть сыну, но все, что у него осталось, – эта упрямая девчонка. Дархан так и не смог полюбить снова. Одна женщина была в его судьбе. Видимо, он был большим грешником в прошлой жизни и не заслужил счастья. Оставалось только верить, что в следующем круге он вновь встретит свою Мьяху и больше ее не отпустит. Собственно говоря, именно поэтому Серадж раз за разом щадил дерзкого щенка Ингвара, осмелившегося похитить сердце дочери. Каждая пролитая капля крови будет взвешена на весах. И за каждое слово, за каждый проступок придется держать ответ. Хвала Предкам, что мысли не в счет, иначе влачить бы всем людям… и дарханам… жалкое существование червяка или крысы в следующей жизни.

Все, на что хватило дархану твердости, – это запретить кохам появляться в Дарханае. Как будто такая мелочь остановит Наранова сына! Бесконечно любя единственного ребенка, Серадж желал дочери только счастья. Может быть, он даже согласился бы… если бы не дракон Ситары.

Серадж знал, что она двуликая. И знал также, что Ингвар с Ситарой встречались вопреки запретам. И дракон не откликнулся. А значит, все напрасно. Кох – не тот, кто нужен его дочери. Ситара еще очень молода и многого не понимает. Долг отца – позаботиться о ней. Без дракона править невозможно. Ситаре придется подчиниться и выйти за того, кто сможет ее вторую ипостась вызвать на волю. Время у них еще есть. Дарханы живут долго.

Впрочем, он не обольщался. Будет сложно и, вероятно, больно, причем и девочке, и отцу, и будущему супругу.

[1] Няня.

[2] Длинное тонкое полотно, служащее одеждой для знатных женщин.

[3] Мелкая монета Дарханая.

Глава 2. Похищение

С начала торгового сезона Ситара не находила себе места. Дракон тоже был неспокоен, заставляя кровь пылать, а сердце – то замирать, то колотиться о ребра от одного только мужского голоса. Принцесса ждала Ингвара, с трепетом встречая каждый корабль. Особенно, конечно, ее волновали корабли моров. Но Неждан, родич ее возлюбленного, передавая очередной дар (великолепную статуэтку из кости), только развел руками: не видел. Подарок привезли с посыльными. На этот раз даже без записки.

Ну и вправду – Ингвар ведь хитрый. Разве прибыл бы он на корабле родича? Да эти корабли проверяет лично дархан. Один только запах, клочок рыжей шерсти (о, теперь-то все знали, что Ингвар – оборотень-лис) – и больше никакой торговли. Даже духа кохтского быть не должно. Так что Ситара расстроилась, но не так чтобы очень. Ей уже семнадцать, осенью будет восемнадцать. Ингвар обещал сделать ее своей женой, и она верила всем сердцем. И то, что письма не было, тоже добрый знак. Раз не написал, то приедет. Уже скоро, совсем скоро, наверное, со следующим кораблем.

Оттого-то она ничуть не удивилась, когда один из нищих в храме, бросившись целовать подол ее тхуни, незаметно вложил в руку скомканный клочок бумаги. Она кинула старику несколько пайс и резво отбежала в сторону. Уже в саду с трепетом развернула комок и выдохнула шумно.

«Жду в полночь на нашем месте».

Просто и понятно. В этом весь Ингвар. Нужно бы уничтожить записку, но ведь ее писал он: любимый, долгожданный. И Ситара бережно спрятала мятую бумажку в шкатулку с драгоценностями.

Спать легла рано, сославшись на головную боль. Нянюшка, зная, что принцесса в последние дни вся в волнениях, поверила. Помогла искупаться, заплела ей на ночь косы, облачила в тончайшую хлопковую сорочку. Поцеловала в лоб и погасила светильники. Ситара лежала на своей роскошной постели с широко раскрытыми глазами. Луна и звезды светили так ярко, что была видна каждая складочка на легких, почти невесомых завесах окна. Когда же, когда наступит тот волшебный миг, о котором она грезит уже столько лет? Неужели сегодня?

Разлука с возлюбленным давалась ей тяжело. Она думала о нем постоянно, представляла его светлые, чуть раскосые глаза, прямой нос, волосы, что цветом похожи на огонь. Она уже знала, что кудри Ингвара не горячие, а шелково-прохладные, как вода в ручье. Губы, конечно, твердые, желанные, которые Ситара готова целовать вечно. Руки его на талии, на спине и бедрах…

Будучи невинной телесно, разумом принцесса давно уж утратила всякое целомудрие. Она частенько танцевала на ритуалах в храме Великой Матери и видела, чем эти ритуалы заканчивались. Храмовые девы обычно не отказывали тем мужчинам, которые были допущены в залы. Ситара их понимала: ритуалы проводили молодые юноши, стройные, высокие, без телесных изъянов. Самые красивые сыновья. А дети, зачатые в храме, считались высшим благословением Матери. А у Ситары – дракон, ей надлежало хранить себя для того, кто сможет отворить врата и выпустить вторую ипостась в небо; впрочем, она даже не представляла себя с кем-то, кроме Ингвара. Оставаться девственной было нетрудно. Быть холодной и не представлять всякое – никаких душевных сил не хватит. Все же она молода, здорова и полна женской энергии.

Увы, Ингвар не тот, кого услышит дракон. Но Ситара любила его больше дракона. И не могла не думать: там, под сенью храма, где они уже виделись несколько раз, можно было бы провести свой ритуал, который навеки соединит и тела, и души, и судьбы. А если Мать благословит, то и ребенка зачать получится. Согласится ли Ингвар? Он не чтит чужих богов.

У него – Великие Предки. Одобрят ли они невесту-чужестранку? На эти вопросы у Ситары не было ответов. Да ей они были и не нужны. Она все для себя решила.

Когда распустился первый бутон на дереве париджат, принцесса поднялась с постели. Подхватила широкий отрез ткани, синей с серебряным блеском, быстро и ловко обмотала вокруг тонкого стана. Обулась. Вдела в уши лучшие серьги с молочными топазами, на пальцы – перстни-обереги. Браслет на левую щиколотку, в пару ему – на правое запястье. А вот ожерелья с сожалением оставила. Слишком они звонкие. Услышит кто-нибудь. Накинув на голову вуаль до пола, Ситара выскользнула в сад через большое окно спальни. Побежала по дорожке, прислушиваясь, приглядываясь – не гуляет ли кто из слуг. Нет, все спали уже. Ночь. Стражи – на своем посту, обход нескоро.

Путь через сад до храма не отнял много времени. Ситара знала его очень хорошо. Каждый поворот дорожки, каждый куст париджат, каждый камушек. Еще несколько шагов – и она ступит под тяжелые холодные своды обители Великой Матери. Еще несколько биений сердца, несколько вздохов – и принцесса увидит возлюбленного.

Уверенная в том, что ее никто не видел, потерявшая бдительность, Ситара не успела даже вскрикнуть, когда ее схватили чьи-то сильные руки, закрывая ей рот. Она забилась, замычала – но что может одна хрупкая девушка сделать против дюжины мужчин? В рот споро засунули кляп, руки связали не веревками – тканевыми лентами. Сорвав с головы вуаль, закрыли глаза повязкой.

Глупая птичка попалась в силки. Почему она поверила той записке? Почему не усомнилась?

Ситара отбивалась как умела, а умела она немногое. Ее не учили боевым искусствам, она была женщина, священная, красивая, будущая мать. Да и особой статью девушка не отличалась. Хрупкая, гибкая, невысокая, с роскошными волосами цвета черного дерева, она по праву считалась одной из первых красавиц Дарханая.

Ситара прекрасно танцевала, уверенно ездила верхом, а драться не умела вовсе и оружия в руках не держала – это было строго запрещено священными законами бытия. Та женщина, что пролила кровь в бою, уже не должна была становиться женой и матерью. Ее удел – вечное очищение при храме Великой Матери.

Теперь, когда Ситару тащили куда-то неизвестные, но весьма дурно пахнущие мужчины, когда от кляпа выворачивало, когда платок, накинутый на лицо, был влажным от слез, девушка горько сожалела, что была такой послушной. Ингвар взял бы ее любой. И из храма украл бы, и за оружие никогда б не укорил. Но зато она не была бы беспомощна, как мышь в зубах у кошки.

Когда она вернется домой (а иного и быть не могло), она все эти проклятые законы отменит! Женщина должна иметь возможность и право на защиту. В конце концов, не всегда рядом будет муж, или отец, или брат!

Отлично понимая, что никакие традиции ломать ей не позволят, Ситара все же представляла свое триумфальное возвращение. Злость давала ей сил. Она непременно вернется в Дарханай! Не сломается, не сдастся, все вынесет!

От кислого запаха пота тех, кто ее волок, кружилась голова. Отчаянно хотелось облегчиться – верно, от столь жуткой ситуации. В ушах шумело, в носу щипало, но даже в таком отвратительном состоянии девушке удалось уловить шум волн. Море. Ее несут на корабль. Впрочем, так она и думала. Работорговцы – бич Дарханая. Как ни бился ее отец, как ни старались стражи, девушек и юношей все равно похищали. И если в Танорме жалоб было не так уж и много, то в деревнях и дальних храмах отроки пропадали частенько. Сейчас ее спустят в зловонный трюм и увезут… куда-то очень далеко. Ее ждет тяжелое испытание – несколько недель без солнца, в грязи и голоде, среди таких же несчастных. Но Великая Мать полна справедливости, она не посылает своим дочерям испытаний, которые невозможно преодолеть, а если и посылает, то лишь для их блага. Закончится один круг жизни – начнется другой, еще

лучше и светлее. Ситара была дочерью дархана, вероятнее всего, в следующей жизни она будет и вовсе мужчиной, воином… так что не стоит плакать. Тем более что слезы уже иссякли.

Девушку принесли на корабль и втолкнули в какое-то помещение. Она упала на мягкое. Чужие руки и запахи исчезли, дышать стало легко. Ситара пошевелила руками и ногами, удивилась свободе, стянула платок с лица и выплюнула кляп. Каюта, очевидно, предназначенная для нее, не была похожа на сырой и темный трюм. Напротив – перед глазами предстала неожиданная роскошь. Большая кровать занимала почти все пространство. Бархатные фиолетовые подушки, шелковое покрывало чудесного лилового цвета, даже льняные простыни – и все было свежим, чистым. Кроме постели, в каюте поместился только небольшой, прикрученный к стене и полу столик, под которым обнаружился железный ночной горшок. На столике стоял жестяной таз, а выше, на полке – медный кувшин для умывания. Потертый, с вмятинами, на цепочке – видимо, чтобы во время качки не летал по каюте.

Выглянув в маленькое круглое окно, Ситара увидела только морскую гладь, отражающую свет звезд. Итак, ее украли. Похитили. Но похитители знают, что она принцесса Дарханая, иначе ее заключение было бы гораздо более убогим. Теперь же можно не бояться смерти от голода или болезни: ее будут беречь. Круг замкнется не скоро.

Отец учил ее сохранять лицо в любой ситуации. Не стоит бояться тех, кто хочет повредить твое тело. В конце концов, жизнь не последняя, но даже если б и так: смерть милостива. Бояться нужно лишь за душу. Не предавать, не обижать невинных, не унижаться ни перед кем. Поэтому Ситара попыталась успокоиться. Села на кровать, скрестила ноги, выпрямила спину, сложила пальцы в жест равновесия и закрыла глаза. Дыхательные упражнения давались ей легко. Еще в те времена, когда она начала осознавать дракона внутри себя, Ситара научилась его контролировать. Сложно. Когда дракон заперт, когда бьется и рычит, можно и свихнуться напрочь, если не сможешь его усмирить. Сейчас дракон молчал, но три глубоких вдоха и задержанное дыхание привычно и быстро прояснили разум и охладили сердце.

Она нужна похитителям живой и здоровой. Ее не тронут, оберегать будут от всего. Заботиться. Угроз можно не бояться. А значит, она сейчас не пленница, а королева.

Когда корабль начал шататься, как сиденье на слоне, Ситара уже крепко спала, укутавшись в шелковое покрывало. Она не слышала даже, как ей принесли ужин, проснулась от запаха специй. На краю постели стоял поднос с деревянной миской, а в миске была зеленая фасоль с курицей. Масленые пресные лепешки и чашка свежей воды дополняли трапезу. Традиционная дарханайская еда. Привычная и вкусная.

Голодать девушка не собиралась и быстро съела предложенное, а потом задумалась. Кто же мог вот так ее украсть? Нет, не Ингвар. Ему достаточно было сказать хоть слово, и она сама побежала бы к нему хоть на край света. Но все же тот, кто подготовил все это, успел хорошо изучить Ситару, и это было обидно. За ней следили – а она не заметила. Кто-то знал, что она любит есть и по каким дорожкам ходит в храм. Знал, что принцесса не жалует алый цвет, предпочитая оттенки фиолетового. Знал, что она не пьет вина и сладких напитков, предпочитая обычную воду. Ситара даже посмела предположить, что ради нее был послан целый корабль. У кого достало богатства ради такой дерзости? У кого мореходы столь искусны, что надеются избежать гнева богини? Кто не боится Великого дархана?

Угурский Змей, вот кто. Больше некому.

Глава 3. Путешествие

Ситара знала, что Угурский Змей просил ее в жены. Знала и то, что отец с негодованием отказал. У Змея уже была жена, и не одна. Целый гарем. Он, конечно, клялся, что гарем свой посадит в мешки и сбросит в море, коли Ситара только захочет, но кто ему поверит? Даже если и не врет – стать причиной смерти неповинных женщин принцесса никогда бы не согласилась. Да и заполучив ее, Змей, конечно же, наполнил бы свой дворец новыми наложницами. У угуров много женщин, гораздо больше, чем мужчин.

За круглым окошком было море. Бесконечное и очень спокойное. Это пока. А вот вылетит следом большой дракон – мало никому не покажется. Ситара с сожалением признала: отец не станет ей рисковать. Дракон хорош в смертельном бою. Он один стоит тысячного войска. А вот дипломатии от него ждать бессмысленно. Дракон без труда потопит десяток кораблей. Но извлечь одну-единственную девушку из этого десятка он не способен. Ну что ж, значит, таков путь, предначертанный Матерью. Ситара пройдет его с честью. В конце концов, ее пока никто не обидел, если не считать похищения. Но и тут не помяли, не уронили и даже не унизили щупаньем за стратегические выпуклости и впадины. Бережно ее несли, в общем.

Ничего, у нее есть Ингвар. Он непременно приедет за ней, узнает о похищении и ее спасет. Ингвар – настоящий герой.

Во всяком случае, Ситаре хотелось в это верить.

Кто-то же должен ее спасти?

Ей бы хотелось найти утешение в легендах своих предков, но вот беда: она была дочерью дракона. Никто и никогда до сего дня не осмеливался похитить женщин из ее рода. А вот дарханы не гнушались подобными забавами. Если дракон откликался на зов девушки, никто не смотрел на ее положение. Замужняя? Плевать. С детьми? Тем лучше, берем всех. Слепая, кривая, беззубая? И это не так важно. Впрочем, драконы предпочитали красивых женщин. Чаще – девственниц.

Ситара насупилась, понимая вдруг, каково было тем, похищенным. Великая Мать, пожалуй, шутница. Но у нее, конечно, все под контролем. Поэтому бояться не нужно. Пока море спокойное и корабль не причалил к далеким берегам, никто принцессу не обидит. А что будет дальше, увидим.

Когда в дверь каюты постучали, Ситара едва сдержала смех. Какая запоздалая вежливость! Что же при похищении не спросили ее дозволения? Но все же крикнула:

– Войдите.

В каюту проскользнул маленький человечек. Черноволосый, смуглый, с узкими живыми глазами. Именно такими принцесса и представляла угуров. Человечек церемонно сложил руки перед грудью и низко поклонился.

Ситара молчала и смотрела на него с недоумением. Не дождавшись от пленницы никакой реакции, мужчина стукнул себя в грудь и гордо провозгласил:

–Хашур!

Ситара прищурилась и ничего не ответила. Тогда мужчина на очень ломаном дарханском начал объяснять:

– Госпожа. Служить. Исполнять желания.

– Я понимаю угурский, – вздохнула девушка. – И еще три языка и шестнадцать диалектов.

– О! – Признание обрадовало мужчину. – Я – Хашур, ваш личный слуга на время путешествия.

– Желаете меня унизить еще больше? – презрительно вскинула брови Ситара. – Мужчина? Ни один мужчина не должен прикасаться к дочери Великого дархана. За это руки отрубают. А если мужчина увидит лишнее, то лишится глаз. Мне нужна служанка. Женщина.

Она лгала, разумеется, но делала это уверенно и вдохновенно. Ей хотелось узнать, есть ли на корабле еще пленницы, и, если есть, хоть как-то им помочь.

У Хашура вытянулось лицо, он даже попятился, упираясь спиной в дверь. И почему он такой маленький? Ей подсунули недоростка, чтобы она не боялась?

– На корабле нет женщин, – пробормотал он виновато. – Но, если госпожа желает, я передам ваше требование капитану. Возможно, он пройдет возле берега и захватит для вас служанку.

– Нет! – Прозвучало излишне громко и эмоционально. И очень-очень подозрительно. – Не стоит! – Ситара задумалась на мгновение и качнула головой. – Рыбачки и крестьянки мне не нужны. Разве я рыба? Хашур, если вы не можете предоставить мне достойную служанку, я справлюсь сама.

Угур снова поклонился с нескрываемым облегчением.

– Госпожа желает что-то особенное? Ее недостойный слуга сделает все, что возможно, чтобы угодить госпоже.

Ситара кивнула и принялась перечислять:

– Мне нужна свежая одежда. Несколько чистых тхуни – только не красных. Шальвары, платки, носки. Шкатулка для украшений. И я желаю помыться. В теплой воде. И чаю со специями, конечно.

– С молоком? – деловито уточнил Хашур. – Молока у нас нет, но я передам капитану и…

– Он украдет для меня козу? – усмехнулась Ситара. – Я обойдусь без молока.

– Я понял, госпожа. Сделаю все, что смогу.

И утек, буквально просочился сквозь дверь.

Ситара подумала, что потребовала слишком мало. Принцесса она или кто? Надо было сказать, что кушает она лишь из золотых тарелок. И пьет только утреннюю росу с лепестков париджата. Ну, может, еще грушевое козье молоко – это когда козу не меньше недели кормят одними спелыми грушами, и молоко потом сладкое и ароматное. А еще ей нужна подушка, набитая шерстью голубой высокогорной овцы…

Всего этого на корабле ей, конечно, не предоставят. И можно будет высказать свое недовольство и даже потребовать, чтобы нерадивого Хашура выдрали палками. Но Ситара была девушкой доброй и дружелюбной. Ей не хотелось скандалить. Пока.

А еще где-то в глубине души она понимала, что ее похитители могут просто выбросить строптивую принцессу за борт (и это наилучший вариант из возможных), а потом развернуть корабль и в Угур более не возвращаться.

***

Ингвар и Асахан к своему путешествию подготовились основательно. Одного из них в Дарханае знали в лицо, а второй был приметен: высок, темноволос, с раскосыми глазами. Кох как есть, только глаза странные: светлые. И поэтому на пристань Танорма, столицы таинственного и богатого Дарханая, сошли вовсе не юноши, а два старика. Один из них был слеп, скрывал незрячие глаза за черной тканевой повязкой. Второй горбат, с длинной белой бородой, в чалме и цветастом халате, с кожей цвета ореха. Ковыляли старики довольно бодро, тихо переговариваясь на моревском языке. Казалось бы, ничего подозрительного – купцы частенько искали в Дарханае свою молодость. Здесь было несколько целебных источников и волшебная трава панах, которая, если сорвать ее на восходе солнца, по легенде, могла повернуть время вспять и даровать нашедшему ее здоровье и с десяток лет жизни.

Но все пошло не так. Стариков схватили, едва только они шагнули на храмовую площадь. Со слепца сдернули повязку – и за ней оказались ясные серые глаза. У второго под чалмой

нашлись рыжие кудри и белая полоска кожи. Асахана оттолкнули в сторону, в пыль. Ингвара пару раз ударили в живот и куда-то утащили.

Сахи не мог понять, почему его не тронули, но лишних вопросов задавать не стал, быстро откатился в сторону и дал стрекача. Скорости его могли позавидовать даже степные куширы[1]. Вступать в прямую схватку с четырьмя вооруженными дарханами было глупо, а глупцом Асахан не был. Мог только проследить за тем, куда увели друга, осторожно выглядывая из-за угла. Но тут даже не о чем было думать – конечно, Ингвара поволокли в царский дворец.

Миссия провалилась, не успев и начаться. Дархан Серадж ждал потенциального зятя… с распростертыми объятиями, надо полагать. А Асахана в гости не пригласили, и это славно. Не больно-то и хотелось.

Он, конечно, все равно заглянет, но теперь через окно или задний вход.

Пока же у коха была редкая возможность осмотреться в Танорме. Здесь он был впервые. Земли моров были удивительны, но они не произвели на Асахана такого сокрушительного впечатления. Ну, дома. Каменные. Леса. Густые, холодные. Улицы, мощенные досками, грохот телег, многоголосье, грязь под ногами. Единственное, что, пожалуй, удивляло – собаки были другие, не такие, как в Кохе. В Бергороде и Россомашьем Посаде псы большие и лохматые, все сплошь на цепи. А кошки, наоборот, свободно по улицам ходят и никого не боятся. Зато крыс мало и мышей совершенно не видно.

Танорм совсем другой. Невероятно красивый, яркий, сочный. Кругом зелень – столько зелени Асахан отродясь не видел. Белые каменные плиты под ногами. Цветы везде: и вдоль улиц, и на кустах, и с крыш домов свисают плетями. Большие и маленькие, белые, желтые, синие и красные, даже черные бывают. Пахнет специями и чем-то сладким, пьянящим.

Дарханцы смуглые, черноволосые, худые. Многие одеты легко и просто: в одни лишь светлые сорочки без рукавов да широкие штаны до колен. Босые – видимо, ходить по белым гладким плитам было приятно. Женщин на улицах мало, но все они яркие, как тропические птицы. В шелковых платьях, звенящие браслетами и ожерельями и, что самое странное, все раскрашенные. На руках, шеях и лицах – ритуальные узоры, глаза густо подведены черной краской. Волосы убраны в замысловатые косы.

Богатый город и весьма чистый. Впрочем, Асахан не обольщался. Не может быть, чтобы тут нищих да пьяниц не было. Просто возле широких и красивых портовых улиц всех крыс вытравили. А ведь есть тут и другой порт, но моревские корабли туда не плавают. Их и здесь принимают.

Замерев в переулке, из которого весьма хорошо можно было разглядеть царский дворец из белого камня – приземистый и округлый, с маковками, похожими на тыквы, а может, луковицы, – Асахан утер пот, струящийся по лбу. Привыкший к безжалостному степному солнцу кох почему-то не мог здесь дышать полной грудью. Горячий влажный воздух обжигал легкие, голова слегка кружилась. Сахи прислонился к прохладной каменной стене, сорвал алый цветок со свисающей с крыши плети, понюхал его и зачем-то воткнул за ухо. Делать-то что теперь? Понятно, что нужно вызволять беднягу Ингвара. Вряд ли его ждет брачный пир.

Одна радость – путешествие это состоялось с разрешения и даже благословения Ингварова отца. А у него в Дарханае осталось немало добрых знакомых. Причем матери Ингвара про эти связи Наран убедительно просил не рассказывать. Сахи помнил главное: пойти в Главный храм Великой Матери и позвать одну из привратниц, Рию. Она поможет. О моральной стороне вопроса юноша не думал, не до этого было. Наран сказал, что Рие можно доверять. Лучше бы, конечно, встреча с ней не понадобилась, но уж если попадете в неприятности… Что ж, они попали.

И Асахан, пожав плечами, побрел в сторону храма, крыша которого возвышалась вдали.

[1] Маленькие кохтские антилопы.

Глава 4. Обстоятельства

Для человека, выросшего в шатрах, все в Дарханае было странным, чуждым, но перед грандиозностью храма Великой Матери Сахи ощутил себя просто потерянным. Таких огромных зданий он даже в землях моров не видел. В отличие от светлого Танорма, построенного из желтого и белого камня, храм был темным, почти черным. Три яруса, и первый из них словно обвитый всевозможными крылатыми змеями и ящерицами. Сколько же строили это чудо? Вероятно, тысячи резчиков трудились над стенами. Сахи завороженно разглядывал орнаменты. Вот две змеи сплелись: в битве ли, а может – в страсти? Вот тут они танцуют, а выше – спят. Удивительная работа. Издалека – словно нагромождение камней. В трех шагах – затейливая картина. Подойди ближе, и уже ничего не поймешь, все смешается в бугры, трещины и ямки.

Странно одетый чужестранец, что таращил глаза на храмовые стены, недолго оставался незамеченным. Из храма вышла молодая женщина, одетая весьма скудно. Совершенное тело было прикрыто двумя полупрозрачными полосками ткани, зато золотых украшений на ней было столько, что на них табун коней купить можно. Сахи немедленно оторвал взгляд от храма, уставившись на… Ну куда мог смотреть молодой парень? Глаза женщины его интересовали мало. В конце концов, если б ее оскорбляла подобная бесцеремонность, она могла бы и прикрыться!

– Что ищет чужеземец в обители Великой Матери? – мелодично спросила жрица на языке моров, очевидно, обманутая светлыми глазами Асахана. На чистокровного коха он был не больно-то похож.

– Мне нужна госпожа Рия.

– Следуй за мной.

Сахи кивнул. Подвоха от женщины он не ждал. Наран рассказывал, что дарханайцы верят в бесконечное колесо жизни. Дескать, умрешь – и снова родишься. И все твои проступки влияют на жизнь будущую. Все зачтется: и ложь, и подлость, и бессмысленная жестокость, и даже отношение к животным. А оттого они стараются избегать дурных дел. Словом, в Дарханае ограбить прохожего или избить старика может только совсем уж испорченный злодей. Правда, женщины стояли на ступеньку ниже мужчин. Им многое запрещалось. И судили их куда строже.

Поэтому Сахи рассудил, что навредить ему никто не посмеет, и смело шагнул за жрицей в гулкую тишину храма.

Внутри было еще интереснее, чем снаружи. Огромные статуи драконов, украшенные драгоценными камнями, цветы, свечи, курящиеся благовония. Колонны, алтари, барельефы на стенах. Но рассмотреть юноша ничего не успел: его проводница шла быстро. Даже кох с его длинными ногами порой срывался на бег, чтобы не отставать.

Комната, куда его привели, была уже привычная, понятная. Большое окно, распахнутое настежь, пестрый ковер на полу, разбросанные подушки. И с десяток маленьких девочек разного возраста, одетых в разноцветные рубашонки. Все чистенькие и щекастые, с черными волосами, заплетенными в косы. Девочки сидели на полу, или лежали, или прыгали на подушках. Некоторые что-то рисовали на небольших листах бумаги, старательно высунув языки.

– Мать, тут к тебе чужестранец, – тихо сказала жрица, и только тогда Асахан заметил среди детей женщину. Он принял ее за одну из девочек – уж очень она была миниатюрна.

Низкого роста, худенькая, большеглазая, в длинной, до пола, синей рубахе без рукавов. Лишь густо подведенные глаза и причудливая вязь узора на правом предплечье и тыльной стороне кисти отличали ее от самых старших девочек.

На мать эта женщина совсем не походила, кстати.

– Ты – Рия? – с любопытством спросил Асахан, оглядываясь.

– А ты кто?

– Я друг Нарана.

Тонкие, выщипанные в нитку и подведенные черной тушью брови женщины удивленно взлетели вверх.

– Наран… Забытое имя. Что привело тебя сюда, друг Нарана?

Сахи не понравилось выражение ее лица. Что-то было не так. Наверное, лучше тут помощи не искать. Женщины, даже самые кроткие, ревнивы и злопамятны. Как бы не испортить все еще больше.

– Я… – Он замялся, переступая с ноги на ногу.

– Говори как есть, – властным, низким голосом вдруг приказала Рия. Девчушки побросали свои дела, сбились в кучку возле окна и застыли. Магия какая-то! Асахан же раскрыл рот и послушно начал рассказывать:

– Ингвар – это сын Нарана – приехал за своей возлюбленной. Принцессой Ситарой. Но не успели мы даже сойти с корабля на пристань, как нас схватили. Ингвара увели во дворец, а меня отбросили прочь. И теперь ты должна мне помочь, потому что Наран сказал в случае проблем разыскать тебя.

– Наран… сказал! – процедила сквозь зубы женщина, и Асахан вдруг увидел, что она гораздо старше, чем показалось ему на первый взгляд. Быть может, ей уже тридцать или даже больше! – Наран всегда много говорил. Ты не похож на него, светлоглазый кох.

– Конечно, не похож. Он же мне не отец, – тихо ответил Асахан.

– А кто твой отец?

– Великий хан Баяр. Я его первый сын.

И это он тоже не собирался говорить, но слова слетели с губ, как бабочки с потревоженного цветка, и поймать их не было никакой возможности.

Рия прикрыла глаза и на миг задумалась, а потом взглянула на жрицу, которая все еще неподвижно стояла возле стены.

– Шайна, приготовь моему гостю покои. Накорми, искупай и переодень. Я приду позже.

Голос ее на этот раз был нормальный, звонкий. Жрица низко поклонилась. Дети возле окна отмерли и тихонько зашептались, бросая любопытные взгляды на чужака.

– Пойдем, сын Великого хана, – шепнула жрица. – Теперь все будет хорошо.

– А могло быть плохо? – уже в коридоре тихо спросил Асахан.

– Иногда Великая Мать просит крови. Мужской крови, – спокойно ответила Шайна. – Не бойся, пока не твоей.

Асахан судорожно скользнул рукой по бедру, вспоминая, что никакого оружия они не брали. С оружием никого не пускали в город… У коха, конечно, был магический дар (недаром его народ прозвали людьми огня), но что-то ему подсказывало, что скажет та «добрая знакомая» Нарана пару слов своим особенным голосом – и он сам ляжет на алтарь и занесет нож над грудью.

– А она кто? Мать эта ваша?

– Старшая жрица. Голос Матери, – ровно, без эмоций ответила Шайна. – А ты смелый, что пришел к ней.

Ну спасибо, Наран, удружил! Не мог с кем-то не таким ядовитым завести роман! Любит же их дипломат сложных и сильных женщин…

***

Ситаре было скучно. Она выспалась, несколько раз переплела косы, сняла и пересчитала все свои украшения, позавтракала, немного помедитировала, полюбовалась в окно… а утро только началось. Дома она мечтала хотя бы пару дней провести в одиночестве и безделье, но

теперь, когда ее желание исполнилось, она готова была выть от тоски. Все-таки это было заключение, пусть и в золотой клетке.

– Хашур!

– Я, госпожа.

– Где моя горячая ванна?

– Если вы согласны на соленую воду, я немедленно прикажу…

– Не нужно, – поспешно отказалась Ситара. – Кожа станет грубой. А выходить мне можно на палубу?

– Я спрошу у капитана, – поклонился Хашур. – Вы очень благоразумная госпожа, правда?

– Правда, – кивнула Ситара. – Я само благоразумие. Если ты думаешь, что я брошусь за борт – нет, не брошусь. Великая Мать не прощает тех, кто подаренную ею жизнь растрачивает так глупо!

– И что будет, если вы… ну, кто-то самоубьется? – заинтересовался угурец.

– Колесо жизни повернется вспять. – Ситара знать не знала, что может быть в посмертии, она интересовалась религией лишь тогда, когда хотела что-то получить от Матери, но врать она умела вдохновенно. – И ты снова окажешься на первом круге.

– Как это? – На живом лице Хашура промелькнуло множество эмоций. – Расскажите о вашей Матери, госпожа.

– А ты расскажешь мне про верования угурцев?

– Да, конечно!

Он опустился прямо на пол, оперевшись спиною на дверь. Ситара скрестила ноги и уставилась на него.

– Великая Мать справедлива, – начала девушка. – После смерти человека она взвешивает его поступки на весах. Если хороших больше, то в перерождении ты будешь здоровым и богатым. Если меньше – новая жизнь будет хуже нынешней. А если ты совсем злодей, то можешь и псом родиться, и тараканом каким-то.

– То есть, убивая таракана, вы убиваете человека? – прищурился угурец.

– Может, и так. Но тогда мы оказываем ему милость, – растерянно ответила Ситара. – Завершая его круг жизни. Если он был хорошим тараканом, то у него есть шанс стать птицей… или каким-то полезным зверем.

Хашур громко фыркнул, а потом признался:

– Ваша вера нравится мне больше. В Угуре считается, что жизнь у человека лишь одна. И после смерти он вечно будет служить своему господину в загробном мире. Ничего не изменится. Разве что мучений прибавится. Ведь за каждый проступок придется ответить.

– А за хорошие будет награда? – сочувственно спросила Ситара.

– Может, и будет, а что толку? Если ты родился слугой и умер слугой, то это навечно. Человек может что-то изменить лишь при жизни.

– То есть если ты станешь большим человеком, то им и в посмертии останешься?

– Ну да. Но тех, кто сумел подняться, очень и очень немного, – вздохнул Хашур. – Женщине куда проще. Если она красивая или хотя бы умная, то найдет себе достойного мужа.

– Или ее попросту украдут, – понимающе кивнула Ситара, пряча усмешку.

Хашур смутился и опустил глаза.

– Мы лишь выполняем приказ, госпожа. Не проклинайте меня.

– Почему ты просто не сбежал? Тебе обещали много денег?

– В Угуре осталась моя семья. Мать, отец, сестры и братья. Если я привезу вас живой и здоровой, то построю новый дом и выдам замуж сестер за достойных людей.

– А если не привезешь? – Ситара внимательно поглядела на юношу.

– Я не знаю, – с несчастным видом ответил Хашур. – Может быть, не будет ничего. А может, император рассердится на недостойного раба и захочет истребить весь его род.

– Если ты вдруг не догадываешься, – сказала Ситара строго, – то ты совершаешь дурной поступок. Я не хочу замуж за вашего Змея, я другого люблю.

– Но император богат и милостив к своим женам, – упрямо пробормотал угур. – Вы ни в чем не будете знать нужды. Слуги, драгоценности, лучшая еда… Вас поселят в красивых покоях, за окном будет цветущий сад!

– Все это у меня было в доме отца, – пожала плечами Ситара. – Но там я была хозяйкой своей судьбы.

– Только замуж за любимого вы точно так же выйти не могли, – блеснул осведомленностью Хашур, а девушка запоздало вспомнила, что ее выманили запиской якобы от Ингвара.

– Откуда ты знаешь?!

– Я жил в Танорме с прошлого лета, – усмехнулся вдруг юноша. – И узнал о вас все, что можно было.

Ситара насупилась. Это было неприятно. За ней следили, а она знать не знала. Быть может, он даже подслушивал и подглядывал! И подкупал ее служанок. Ну точно – подкупал! А она уже начала считать маленького угура хоть и не другом, но человеком, которому можно немного доверять.

– Не печальтесь, моя красивая госпожа, – весело сказал Хашур, поднимаясь на ноги. – Сегодня на обед ваш любимый рис с овощами. И чай будет, я нашел нужные специи. А ночью, быть может, вам разрешат погулять на палубе.

– Почему ночью? – недовольно спросила Ситара.

– Любопытных глаз меньше. Невеста Угурского Змея не должна выставлять себя напоказ.

Девушка гневно засопела. Невеста? Она – невеста Ингвара, и ничья больше! Никогда она не станет женой другого! Но говорить об этом Хашуру бессмысленно, он, кажется, думает, что вершина счастья – сытая и богатая жизнь.

А Ситара считала, что нет ничего важнее свободы и любви.

Глава 5. Сокровище дархана

Ингвара больше не били, и это не могло не радовать. Впрочем, он и не пытался вырываться. Кривые сабли в руках его стражей не внушали оптимизма. Умереть сейчас, когда он так близко к своей любимой, буквально в двух шагах от нее – что может быть глупее? Обратиться лисицей тоже пока не рискнул. В незнакомых узких коридорах найти убежище не так-то просто. А потом было поздно: его втолкнули в маленькую камеру, сырую и душную.

Слышал он, что в моревских казематах всегда холодно. Тут, увы, о прохладе можно было лишь мечтать. Воздух был густ и вонюч. Пахло отхожим местом, гнилой соломой, потом… Это он, Ингвар, никак не мог привыкнуть к здешней погоде. Пот лился по спине ручьями. Проклятая жара! Почему дома, в степях, она переносится гораздо проще? Стянув с себя неудобный, сковывающий движения и уже порядком потрепанный балахон, Ингвар бросил его на кучу сомнительного вида соломы, сел, вытянув длинные ноги, и огляделся. Камера больше, чем могла бы быть. И даже окно с решеткой под самым потолком имеется. Узкое, но лисицей бы пролез. Вот только лисица так высоко не допрыгнет. Впрочем, и это можно решить. Привязав веревку из одежды, к примеру. Но стоит ли бежать прямо сейчас? Не лучше ли сначала узнать, что вообще происходит?

Отец учил Ингвара никогда не спешить. Он не в бою, где от умения быстро махать оружием зависит чья-то жизнь. Как бы повел себя в такой ситуации дипломат Наран? Он бы совершенно точно выждал какое-то время. Если его схватили прямо на пристани, то дархан Серадж ждал. Асахана отпустили, Ингвара не убили на месте и даже не покалечили. Ударили не так чтобы сильно, просто припугнули. Хороший знак. Серадж придет поговорить. Вот тогда все и решится.

Ингвар мог гордиться своей рассудительностью. Не успел он задремать, как в коридоре послышались шаги, и дверь камеры распахнулась.

Сам дархан пожаловал в казематы. Ингвар даже глаз не открыл, выражая безмолвный протест. Сущее ребячество, конечно, но он позволил себе эту малость.

Да и Серадж, брезгливо разглядывая пленника, разговор заводить не спешил. И что его маленькая нежная девочка нашла вот в этом… рыжем и мосластом? Кожа белая, как у рыбы. Веснушки еще. Сложен парень, правда, и неплохо. Худой, но жилистый. Просто еще не успел мясом обрасти, слишком молод. Плечи широкие, руки крепкие. Безволосый, и это хорошо – Серадж считал, что излишняя волосатость у мужчин говорит о близком родстве с обезьяной.

На отца похож. А отец у него – мужчина весьма привлекательный, когда-то на него немало служанок заглядывалось. Странно, что в дархановом дворце рыжеволосые малыши не бегают. И даже в храме ни одной рыжей девчонки ни разу Серадж не встретил. Осторожен был Наран.

Ну так он и не пытался к чужим женщинам руки тянуть, спал только с теми, кто был свободен.

И снова в груди Сераджа плеснулось глухое черное раздражение. Он не хотел ненавидеть мальчишку, но и принять его не получалось.

– Где моя дочь, кох? – сдерживая злость, задал главный вопрос дархан.

Ингвар открыл серые, как пасмурное небо, глаза и удивленно взглянул на отца своей возлюбленной. В голове мелькнуло неуместное: ну что за павлин!

Одет дархан был весьма роскошно и очень ярко: в розовые шелковые шальвары и лазурный халат с золотой вышивкой. На груди – тяжелая золотая цепь с большим изумрудом, на каждом пальце – перстень. В ушах блестели серьги. Даже кохтские женщины на свадьбу на себя столько украшений не надевают!

– А где ваша дочь, господин?

– Я у тебя спрашиваю, кох!

– А откуда мне знать? Я только утром приплыл, я ее еще не видел. – Ингвар поморщился, отлипая от отвратительно влажной стены. Пара дней в этой камере – и он сгниет заживо. А может, так и задумано?

– Не лги мне! – Серадж уставился на юношу с такой злобой, что тот невольно поежился и наконец догадался: что-то тут нечисто.

– Я не лгу, – спокойно и тихо ответил Ингвар, изо всех сил желая сейчас быть похожим на отца. – Я ничего не успел сделать. Меня схватили, едва я сошел с корабля. Так что с Ситарой?

– Твоих рук дело? – На пол у ног юноши упала скомканная записка. Он поднял ее, развернул и удивленно вскинул рыжие брови.

– Нет. Я этого не писал. Но тот, кто писал, хорошо меня знает.

И, поскольку Серадж молчал, добавил:

– Ищите шпиона среди вашей прислуги, мой господин.

Дархан все это прекрасно знал и сам. Но насколько было бы проще выставить виноватым Ингвара! Вот только дочь этим не вернуть. И, тяжело вздыхая, он признал поражение.

– А что, если я прикажу тебя пытать?

– Время зря потеряете, – прямо смотрел ему в глаза рыжий нахал. Нет, ну как же он похож на отца! – Ничего толкового я вам не скажу, потому что и в самом деле не знаю. Ну, может, выдумаю что-то, если у вас палач хорош. Но вряд ли это поможет в поисках Ситары. Давно она пропала?

– Вчера ночью, – поджал губы дархан.

– И вы так спокойно об этом говорите? – Вот теперь от равнодушия Ингвара не осталось и следа. Он вскочил на ноги, сжимая кулаки. – Ищите ее! Отправьте лучших своих собак по следу! Допросите всех служанок! Быть может, ее еще не увезли из Танорма!

Долгий пристальный взгляд коха не смутил. Он и сам умел вот так вот глядеть. Неизвестно еще, за кем больше правды. Да, Ингвар хотел Ситару украсть! Но это лишь потому, что им не разрешали быть вместе! А зла он ей не причинил бы никогда и потом, взяв ее в жены, непременно попытался бы наладить отношения с дарханом. А Серадж, который дочь должен был охранять, не уберег свое сокровище!

– Вы мне должны, – заявил Ингвар. – По вашей вине она исчезла!

Дархан по-настоящему удивился. Во-первых, таким тоном с ним осмеливалась разговаривать только дочь. Во-вторых – и хватило же наглости!

– Отпустите меня, и я сделаю все, чтобы ее найти. Я заинтересован в этом не меньше вашего.

Серадж молча развернулся и вышел из камеры, только полы его яркого одеяния, густо расшитого золотом, всколыхнули воздух. Дверь захлопнулась.

– Принесите пленному воды, – рыкнул дархан на стражей. – И поменяйте солому, там воняет!

Оставшись в одиночестве, Ингвар желчно усмехнулся. Да, не такую встречу он себе представлял, когда ехал через земли моров, а потом плыл почти четыре недели на корабле. Путешествие его прошло легко и даже весело, и он должен был догадаться, что это не к добру. Не догадался почему-то. Что ж, все это – новый опыт. Он жив, его не убьют. Отец бы сказал – все к лучшему. Извлекай драгоценное из ничтожного. А второй отец, тот, что вырастил, князь Вольский, посоветовал бы запомнить всех своих обидчиков и отомстить им[1].

А Дженна, которую Ингвар считал своей второй матерью, уж точно напомнила бы: в любой непонятной ситуации ложись спать. Утро вечера мудренее. Во сне голова очищается и дух с Великими Предками беседы ведет. Не случайно ответы на загадки, что в ночи не давались, наутро сами приходили легко и просто. То есть, конечно, Дженна говорила немного не так. Что-то там мудреное вещала про мозг и даже рассказывала сказку про дядьку, который во

сне какую-то схему металлов придумал, но Ингвар предпочитал все ее истории трактовать по-своему. И все же, безусловно, она – женщина умная. И совет ее самый толковый.

Поэтому кох вытянулся на соломе, прикрытой одеждой, да заснул так крепко и безмятежно, как умеет только юность.

Проснулся, когда ему свежей соломы да ведро воды принесли. Попил, умылся и снова лег. Все равно дел никаких не было, что толку себя несбыточным корить?

Разбудил его вернувшийся дархан.

– И куда в тебя столько сна влезает? – ворчал он уже без всякой злобы, а вроде бы даже милостиво. – Спишь и спишь. Спрашиваю стражей: что пленник делает? Небось, ругается или пытается сбежать? А у них один ответ: спит!

Ингвар только пожал плечами и сонно потер лицо.

– Голоден?

– Очень! – Вот теперь ответ вырвался сам, да еще жаркий такой, искренний. Не кормили его со вчерашнего утра.

– Вставай, гостем моим будешь. Только сначала оденься как положено.

Ну и вот. Ингвар так и знал. Не мог у прекрасной Ситары быть безумный отец. Жестокий и глупый подлец не смог бы вырастить нежную и умную дочь, не родятся на яблоне вишни, а на березе – шишки. Серадж, конечно, вспылил, но с кем не бывает, так ведь ошибку признал и двери темницы отворил. Сейчас еще будет просить помочь в поисках дочери и пообещает ее в жены, если найдется живой и здоровой.

В царском дворце Ингвар уже бывал. Давно, лет шесть назад. Видел и богатые ковры, и потолки высокие, и стены, затейливой резьбой украшенные, и шкуры звериные на низких диванах. Но все равно дивился. Такая красота была ему по душе. Чем-то покои, куда привел его Серадж, на шатры кохов похожи были. Кохи тоже любят и дорогие яркие ткани, и шелковые подушки, и чеканную посуду из меди и серебра. Жаль только, что река в родных землях лишь одна, и воды там мало, и лесов нет. И цветет степь недолго, по весне. А оттого не украшает никто свои жилища цветочными букетами и гирляндами. И диковинных фруктов, что можно попробовать здесь, в Дарханае, в Кохе отродясь не видели.

У юноши даже голова закружилась, когда он увидел сочные плоды на большом золотом блюде. А полуголые слуги вносили еще и рис, и мясо, и какие-то овощи…

– Сначала искупайся, смой с себя запахи темницы, – приказал дархан. – Маси проводит.

Юная девушка в золотистом платье низко поклонилась и жестом предложила Ингвару следовать за ней. Кох усмехнулся: проверяет его Серадж. Хочет узнать, важны ли другие женщины для гостя или только одна Ситара у него перед глазами. А ведь говорят, что сам дархан безмерно и преданно любил свою жену. Когда она умерла, очень страдал, построил даже усыпальницу для нее из черного камня, небольшую, но очень красивую, и потом много дней плакал и скорбел. Ингвар был уверен, что его любовь ничуть не меньше, а значит, сердце приведет его к Ситаре, пусть даже через весь мир.

Прелести юных служанок его не заинтересовали. Кох не мог не отметить, что они чрезвычайно хороши собой. Черноглазые, с бронзовой кожей, прекрасно сложенные. И волосы у них длинные и густые, и зубы все на месте, и все остальное… тоже красивое. Но, признаться, мясо привлекало Ингвара сейчас куда больше, и он быстро вымылся в небольшом каменном бассейне, отогнав всех девушек, что желали ему помочь. Не до них сейчас! Так же стремительно натянул на себя зеленые шелковые шальвары и узорчатый алый халат, затянул золотой пояс и вернулся в обеденную комнату. Опустился на подушки, сглотнул и выжидающе уставился на будущего тестя.

Тот протянул унизанные перстнями пальцы к сочному желтому плоду и бросил небрежно:

– Попробуй манкай, мой друг. В этом году они особенно сладкие. А впрочем, накладывай все, что пожелаешь.

Ингвар мгновенно воспользовался предложением. В голове мелькнула было мысль, что Серадж хочет его отравить, но была отогнана как недостойная. Глупости. Дархан столько раз мог его убить, что тратить на такую мелочь отличную еду просто расточительно. Куда легче было оставить Ингвара гнить в темнице…

[1] Про родителей Ингвара можно прочитать в книге «След лисицы».

Глава 6. Договор

Дархан терпеливо ждал, пока юноша насытится. Самому ему кусок в горло не лез. Но наблюдать за Ингваром было даже забавно. Он не знал его как живого человека и знакомиться не собирался, хоть и помнил о чувствах Ситары. Но Великая Мать повернула колесо жизни, и эти двое мужчин оказались за одним столом.

Ингвар ел хоть и быстро, но аккуратно. Пользовался полотенцем, догадался, что пальцы после жирной курицы нужно ополаскивать в чаше с водой и цветочными лепестками. Умел пользоваться приборами, не чавкал, не рыгал и не болтал с набитым ртом. Он вообще не болтал.

Следовало признать, что юноша был неплохого воспитания. Иного ожидать было глупо. Про жизнь Ингвара дархан знал почти все: и то, что он был рожден в Лисгороде, и то, что воспитывался в княжеской семье до тринадцати лет, и то, что мать его слыла умнейшей женщиной и среди моров, и среди кохов. Какое-то время Серадж даже вел с Лисяной Матвеевной переписку. Торговали они славно и к обоюдной выгоде. А потом нечистый дух столкнул нос к носу Ингвара и Ситару…

– Как поживает достопочтенная Лисяна Матвеевна? – вспомнил о вежливости Серадж. Не то чтобы его это волновало, но ответ на самом деле удивил.

– Матушка очень счастлива. К осени обещает родить третьего ребенка. Кажется, снова девочка.

– Вот как?

Серадж никогда не понимал стремления некоторых людей рожать кучу детей. И даже если бы не было у них с женой дочери, он бы не грустил. Ему достаточно было возлюбленной. К тому же дети – это непросто. Лисяна, став матерью, уже не могла ни торговать, ни вести умные переписки, ни даже толком выехать куда-то с мужем. Пока еще дитя подрастет… К тому же у кохов не принято отдавать младенцев нянькам. На миг дархан Лисяну даже пожалел (какой деловой хватки была женщина!), но тут же выкинул из головы. Впрочем, теперь, кажется, с ней придется считаться.

– Надеюсь, дитя родится здоровым. Прикажу послать для него дары. Итак, ты насытился?

– Да, дархан. Я готов выслушать ваше предложение.

Нет, ну каков нахал!

– Почему ты думаешь, что я хочу тебе что-то предложить?

– Я люблю вашу дочь, дархан, – обезоруживающе улыбнулся мальчишка. – И сделаю все, чтобы ее найти. И вы это понимаете. Если кто-то и может ее отыскать, так это я.

– Как ты самоуверен!

– Вовсе нет. Я просто заинтересован. И я лучше ваших людей знаю и земли моров, и земли кохов. Но вы ведь понимаете, что я ее вам не отдам?

Серадж скривился.

– Я желаю своей дочери лишь добра, – нравоучительно начал он. – Она – дочь дарханов, пойми. Одна из последних в нашем роду, кто еще способен пробудить дракона.

Ингвар нахмурился. Об этом он не знал. Ситара не говорила и не писала.

– Что это значит? – резче, чем следовало, спросил он.

– Ты ведь тоже оборотень, как я помню? – тонко усмехнулся Серадж. – Лис, верно?

– Тоже? – Ингвар уже понял, что правда ему не понравится.

– Я – дракон. Очень старый и очень большой. Не буду показывать тебе свою ипостась, придется поверить на слово. К тому же (о, цени мое доверие!) оборот теперь дается мне очень нелегко. Особенно после смерти супруги, которая, как ты понимаешь, тоже была драконом. И мы создали ребенка. Вдвоем. Разумеешь, к чему я веду?

– Ситара – дракон? – проявил чудеса сообразительности Ингвар, которому любимая давно все рассказала. – Тоже очень большой? И вы хотите ей в мужья подобного?

– Нет. Ситара пока не дракон. Она могла бы оборотиться… рядом с тем самым мужчиной. Очевидно, что ты – не тот.

– А разве для оборота не нужно… ну… – Ингвар посмотрел на Сераджа исподлобья.

– Не всегда это важно. Поверь: если б ее дракон тебя принял, она бы сказала. Тогда я не стал бы препятствовать вашему браку. Более того, я бы сам погнал тебя под венец еще тогда, когда ты прятался в храме три года назад.

Ингвар опустил глаза. Он думал, что дархан ничего не знал. Недооценил противника – в который раз.

– И что будет, если она останется со мной?

– Она никогда не обретет вторую ипостась. Постепенно дракон внутри нее станет шевелиться все реже… а потом и вовсе уснет. Ваши дети не будут дарханами. Мой род закончится.

Ингвар про себя подумал, что ему-то плевать на род Сераджа. Он хочет в жены не дракона и не принцессу, а саму Ситару – нежную, добрую, светлую. Но лицо сделал грустное и даже сочувствующее и понимающе покивал.

– Поэтому ты не должен…

– А кто мне запретит? – перебил кох дархана. – Я найду ее – и что? Вы и вправду считаете, что я привезу ее вам и благородно уйду в тень? Я похож на дурака? Нет, многоуважаемый Серадж. Я сделаю ее своей женой в тот же день, как заберу. И я уверен, вы прекрасно это знаете. Давайте прекратим друг другу врать. Дракона еще нет, а Ситара – где-то далеко. Вы что-то нашли, верно? И потому выпустили меня из темницы.

– И снова могу тебя туда кинуть, – недовольно произнес Серадж. – Думаешь, у меня нет шпионов? И воинов? И наемников?

– Есть, конечно, но я лучше. Потому что я буду искать Ситару для себя, а не ради золота. Что вам важнее – дочь или какой-то там дракон?

– Ты прав, – сквозь зубы процедил дархан. – Я готов пожертвовать драконом ради Ситары. А чем готов пожертвовать ты?

– За нее я отдам жизнь не раздумывая, – просто и честно ответил Ингвар.

– Ты очень молод и не ведаешь, что говоришь.

– Говорят, вы любили свою жену, – смело парировал юноша. – Поменяли бы вы свою жизнь на ее?

– В любое мгновенье, – тут же кивнул Серадж.

– Тогда, полагаю, мы друг друга поняли. У вас есть что мне рассказать еще?

Немного помолчав, дархан вздохнул и начал рассказ:

– Ее выманили в храм той самой запиской. И там, вероятно, украли. Следы до храма нашлись, а вот дальше непонятно. Кто, сколько, зачем… Выкупа не просили. Я подозреваю, что Ситару унесли на корабль. И ее уже нет в Дарханае.

– Работорговцы? – хрипло уточнил Ингвар.

– К счастью или к сожалению – нет. Иначе пропали бы другие девушки и юноши. Но я об этом ничего не слышал.

Кох понял, что имеет в виду дархан. Будь это обычные работорговцы, все было бы куда проще. Ситара нашлась бы на одном из рынков. А теперь… ищи ветра в поле.

– Есть подозрения? Проверили отчалившие корабли?

– Бесполезно. Вдоль берега множество бухт. Небольшой корабль вполне мог пристать и там. Наши гондолы патрулируют пространство, но, откровенно говоря, работорговцы умнее моих капитанов. Кроме того, магия…

И снова Ингвар все понял с первого слова. Сильный маг может вызвать дождь, туман или бурю. И улизнуть. Вообще-то подобное собирался проделать и сам кох. Потому и Асахана с

собой взял, ученика шамана. Побратим специально выучил несколько заговоров. Они прибыли на одном корабле, а уплывать собирались на маленькой лодке под покровом утреннего тумана. Их подобрали бы в море… А потом Ингвар с Ситарой должны были пожениться по обычаям кохов. К Сераджу они бы вернулись лет через пять – с первенцем на руках.

Хороший был план. Жаль, что у кого-то план оказался еще лучше.

– И кому могла потребоваться ваша дочь? – невесело усмехнулся Ингвар. – Что, многих женихов вы отвадили?

– Немало, – вздохнул Серадж. – Но на подобную дерзость способны лишь двое. И один из них передо мной. Я, конечно, могу подозревать, что ее украли твои люди, а ты здесь лишь для отвода глаз. Шутка вполне в духе твоего отца. Но увы… ни ты, ни твой болтливый побратим до такого не додумались.

Юноша выпрямился и возмущенно уставился на будущего тестя. Потребовал гневно:

– Не смейте трогать Сахи! Он вообще тут ни при чем!

– Кроме того, что он шаман и твой сообщник?

– Где он? Его пытали? Он жив?

Великие Предки, если Сахи умрет… как посмеет Ингвар поглядеть в глаза Дженне и Баяру? О, да он никогда в Кох не вернется!

– Остынь, мальчик. Я собираюсь заключить с тобой договор. Не думаю, что ты простил бы мне пытки твоего друга. Да и вдвоем вам искать Ситару веселее будет. Ни верный соратник, ни сильный шаман в дороге лишним не будет. Асахан сейчас в храме и выйдет оттуда тогда, когда я ему позволю. Он в порядке… ну, почти.

Ингвар прищурился, но промолчал. Что он может сказать? Счастье еще, что Сераджу хватило благородства не использовать сына Великого хана как заложника. Ингвар не знал, кого бы он выбрал: друга или возлюбленную, – и сейчас был весьма благодарен дархану, что тот не поставил его в такую сложную ситуацию.

– Итак, кох. Я прошу тебя – найди мою дочь как можно скорее. И привези ее мне. Пусть даже своею женой. Только живую и невредимую. Я же в свою очередь готов оказать тебе всяческую поддержку. Золото, оружие, люди, корабль – проси что хочешь. И знай, наш договор – не твоя заслуга. Я весьма уважаю твою мать. Отца же твоего, Нарана, и вовсе смею считать другом. Он – достойный человек. Верю, что ты не опозоришь своих родителей.

– Не опозорю, – подтвердил Ингвар. – Так кто тот, второй?

– Угурский Змей.

– Но зачем ему Ситара?

– Он хочет сильных детей. Считает, что если смешать кровь змей и драконов, то его дочери и сыновья обретут вторую ипостась. Возможно, он и прав. Силы его крови вполне может оказаться достаточно, чтобы выпустить дракона Ситары. Но у него гарем. И он не отправит ко мне ни единого внука. Я отказался отдавать ему дочь, и он забрал ее силой. Ты хотел поступить так же.

– Я ничего бы не сделал против ее воли! – уязвленно возразил Ингвар.

– Поэтому я тебя и отпускаю. Если ты убьешь Змея, я скорбеть не буду.

Ранним утром Ингвар поднялся на корабль. Он не взял с собой ни воинов, ни оружия, ни доспехов. Лишь мешочек с драгоценными рубинами и сапфирами приятно оттягивал его карман.

Асахан встретил его на пристани. Побратим был бледный, усталый и будто бы даже похудевший. Ингвар взял его за плечи и встревоженно вгляделся в ясные глаза, обведенные сизыми тенями.

– Тебя пытали? Мучили? – порывисто спросил он.

– Нет. Все нормально, – отвернулся, усмехаясь, Асахан. – Потом расскажу. Пойдем, нас ждут. Мой тебе совет, друг: никогда не оставайся под крышей храма на ночь.

Пройдет пара недель, и Асахан станет вспоминать о своем приключении с весельем и удовольствием, а потом и вовсе хвастаться им у костра. Пока же у него болело все тело. Храмовые жрицы оказались очень охочи до телесных утех. Заявили ему, что мужчину, переночевавшего в обители Великой Матери, наутро надлежит убить… или он может искупить свою вину. Как? Подарить блаженство тем девушкам, которые захотят столь ценное подношение принять. Сахи сначала пришел в восторг. К вечеру первого дня он понял, что переоценил свою выносливость, но его напоили каким-то мерзким чаем, быстро восполнившим силы. Сделали массаж. И снова увлекли на шелковые подушки. Спать, кстати, почти не давали. Три дня, всего три дня… Потом его накормили, искупали, приодели и привели на пристань. А он думал, что никогда больше не поглядит на женщину.

А пытки – ну что пытки? Зачем они нужны? Та самая жрица, что когда-то любила Нарана, просто задала ему несколько вопросов… страшным низким голосом. На них не ответить было нельзя. Магия…

Глава 7. Хашур

Ситаре позволили выходить на палубу по ночам. Было в этом какое-то особенное счастье. Да, она пленница, да, плывет неизвестно куда. Но до чего ж хорошо это звездное небо! Бескрайнее, беззаботное, усыпанное звездами! В Дарханае у принцессы было множество драгоценностей. Ее отец, как и все драконы, любил золото и дорогие камни. У него была целая сокровищница с алмазами, рубинами, сапфирами и изумрудами. Маленькая Ситара частенько играла прозрачными голубыми и розовыми камушками. А сколько у нее было нарядов! Шелк алый, и синий, и цвета изумруда, и лазоревый с золотом, и нежный лавандовый, и глубокий фиолетовый… Но ни одна ткань не могла сравниться с черно-серебряной роскошью неба и густо-синим шелком моря!

Если б принцесса была птицей, она бы летала над волнами и кричала от счастья.

Дракон внутри был теперь особенно неспокоен. Он тоже хотел летать. Ворочался, ворчал, дрожал от нетерпения. Из груди рвалось его могучее огненное дыхание. Ситара раскидывала руки и жадно вглядывалась в черную гладь, но чуда не происходило. Не было у нее того ключа, который мог бы отворить запертую дверь. Она, пленница, сама была темницей. Ах, если б Ингвар был рядом! Вместе они бы что-нибудь придумали!

Возвращаясь в свою каюту, Ситара плакала от разочарования. Нет, не о свободе она вздыхала. Сейчас, когда девушка столько времени проводила в одиночестве, наедине со своими мыслями и мечтами, она как никогда остро ощущала себя неполноценной. Как глухой, который жаждет слышать звук флейты. Как слепец, что ощупывает острые грани сапфира, но не может даже представить себе глубину его цвета. Как хромой, что мечтает бежать по дороге наперегонки с ветром! Будь рядом Ингвар, он нашел бы для нее утешение, но увы, тут был только Хашур, который, видя следы слез на бледном личике Ситары, только расстроенно цокал языком да приносил какие-то лакомства вроде орехов в сахаре, сладких лепешек и морской рыбы.

В конце концов не выдержал и он.

– Госпожа моя, что же вы так убиваетесь? Разве вы не молоды, не хороши собой? Разве не ждут вас богатые покои, прекрасные сады Угура и беззаботная жизнь? Император добр к женщинам, он дарит своим женам великолепные жемчужные ожерелья, шелковые халаты, эмалевые гребни…

– Уйди, Хашур, – злилась Ситара. Ей плевать было на императора, ей нужен был теперь только дракон. Или Ингвар. А еще лучше – оба сразу.

– Или, быть может, вы боитесь брачного ложа? Напрасно. Император опытен и искушен в любви. Его женщины мечтают, чтобы он позвал их к себе на целую ночь. Они сладко стонут в его объятиях.

– Заткнись! – свирепо рычала Ситара, швыряя в угура подушкой.

Потом она падала лицом в постель, сотрясаясь от смеха, а бедняга Хашур заламывал руки, думая, что довел бесценную пленницу до слез. Если девочка похудеет, подурнеет, будет на него жаловаться, император своего верного слугу подвесит за то самое место, которое в приличном обществе нельзя называть! О, угуры знали толк в пытках. Сам император в свободное время любил развлекаться с пленными. Неугодных ему бросали в клетки к диким зверям, в ямы со змеями, топили в воде, жгли огнем, били железными и бамбуковыми палками, протыкали крючьями, рвали на части, колесовали, вешали… и это лишь малая часть казней.

Нет, ни за что Хашур бы не хотел вызвать гнев своего господина! Но и приказать пленнице смеяться и радоваться жизни он не мог.

– Я попрошу капитана найти служанку из вашего народа. Какую-нибудь рыбачку или крестьянку. Это утешит вашу скорбь?

– Нет! – Ситара немедленно села на постели, свирепо сверкая глазами. – Не нужно мне никого! Я просто хочу домой!

– Это невозможно!

– Тогда… тогда научи меня драться кинжалом.

Хашур вытаращил глаза. Какую глупость придумала эта девчонка! Кинжалом? Чтобы она его же и зарезала? Или, быть может, подняла нож на самого императора? Ну нет, не настолько он глуп. Но теперь он понял, что пленнице просто скучно, поэтому она сама себе выдумывает обиды, и немного расслабился.

– Кинжал я вам не дам, и саблю тоже. Но могу научить вас драться руками и ногами.

– Как это? – удивилась Ситара. – И зачем? Кулаками махать – много ума не нужно.

– О, вы увидите, – хитро улыбнулся угур. – Я покажу. Только придется вам лицо и волосы скрыть, дабы ничей чужой взгляд не осквернил невесту моего господина.

Девушка поморщилась, но любопытство было сильнее возмущения. Ей хотелось выйти из каюты, но до ночи было еще далеко. Хашур же предлагал какие-то новые развлечения, и Ситара им была рада.

– Я сделаю все, как ты скажешь, – поспешно заверила она угура.

Тот с полной серьезностью кивнул и принялся копаться в ее сундуке. О да, у Ситары теперь был сундук. Хитрый Хашур каждый день приносил ей какие-то подарки «от господина»: то новое тхуни (конечно, фиолетового цвета), то ожерелье, то шелковые шальвары, то белую батистовую сорочку на моревский лад, то костяной гребень, то алую ленту. Скорее всего, этих сокровищ – полный трюм. Ситаре очень нравилось такое внимание, хоть она и надувала губы, отворачиваясь от очередного подношения. Но как же приятно, когда о тебе так заботятся!

Хашур же швырнул на покрывало шальвары и сорочку и велел принцессе пока переодеваться. Сказал, что придет за ней через тридцать капель, и убежал.

Это тоже был дар Угурского Змея: водяные часы. Таких в Дарханае не было, они отмеряли время или свечами, или узнавали его по солнечным часам. Хашур рассказывал, что во дворце императора много чудес. Там есть механические птицы, которые поют ну совсем как живые, и огромные часы, чья стрелка показывает время даже ночью и в пасмурную погоду, и большое шахматное поле, вместо фигур на котором сражаются настоящие воины… да, до смерти сражаются. Да, у императора много людей, одним больше, одним меньше. Нет, не стоит бояться, Угурский Змей очень нежен со своими женами.

А водяные часы были для Ситары лишь игрушкой. Когда звуки падающих капель ее раздражали, она закрывала заслонку чаши. Что толку знать, сколько минут прошло от рассвета, если день тянется бесконечно, а плаванье неизвестно когда и закончится!

Она послушно переоделась и даже заплела волосы в простую косу. Хашур недолго испытывал ее терпение. Он принес черный мешок с прорезями для глаз и велел девушке надеть этот ужас на себя. Сам он выглядел необычно. Раньше он появлялся перед Ситарой в белых шальварах и белой же сорочке до колен. Простая и привычная одежда, такую носили все слуги во дворце дархана, как мужчины, так и женщины. Сейчас же он был в черном: короткой куртке с поясом и широких плотных штанах. Вместо удобных кожаных тапок – веревочные сандалии. На лбу тканевая повязка. Оружия при угуре не было.

Впервые Ситара задумалась – а кто он, собственно, такой? Она уже знала, что Хашур умнее, чем кажется на первый взгляд. И, как видно, у него была власть на корабле. А еще Угурский Змей доверял этому маленькому человечку. Хашур был грамотен, разговаривал на нескольких языках, знал обычаи Дарханая. Разбирался в драгоценных камнях и тканях. Умел предсказывать погоду – и в этом Ситара уже успела убедиться. Очень непростой юноша.

Из какого он рода? Сколько ему лет? На вид – нет и двадцати. Невысокого роста, едва ли выше маленькой принцессы, хрупкий, с некрасивым живым лицом, узкими глазами и кривым сплюснутым носом, с торчащими во все стороны черными жесткими волосами, он не вызывал

у нее отторжения, но и мужчину она в нем не разглядела. Так, слуга и слуга. Вот будет смеху, если окажется, что он и есть Угурский Змей!

Но нет, Змею уже за пятьдесят. Хашур слишком молод.

– На палубе молчите и ведите себя смирно, – предупредил угур. – Не стоит привлекать внимание.

Ситара показала ему язык и скорчила рожицу – все равно под черным мешком не видно. В принципе, она понимала, почему он велел ей так одеться, но все равно злилась. Какое неуважение к женщине, прекраснейшему из созданий Великой Матери! Женскую красоту надлежит подчеркивать цветами, красками, драгоценностями и яркой одеждой, а не прятать от людских глаз. Да и для мужчины красивая жена – это благословение, а благословение нужно показывать людям, иначе Мать решит, что ты его стыдишься, и отдаст другому. Неужели угуры так жестоки к своим женам, что заставляют их носить мешки на головах?

Хашур поторапливал принцессу, и она огрызнулась:

– Сам попробуй по лестнице ходить, завязав глаза и закутавшись в одеяло! Или мне нужно упасть и сломать себе шею?

– О нет, прекраснейшая, ни в коем случае. Ступайте осторожно, вот сюда. Я думал, вы уже запомнили дорогу.

Запомнила, конечно, но мешок мешал обзору, и ухватиться за поручни в нем было невозможно.

Наконец трудный путь был преодолен, Ситара оказалась на палубе – днем. И едва не убежала обратно, увидев, сколько собралось матросов. Она и не думала, что тут столько людей. Корабль казался ей совсем небольшим. Торговые суда моревцев куда внушительнее! Попыталась сосчитать людей, но тут же сбилась. Испуганно попятилась. Хашур подтолкнул ее в спину и шепнул:

– Не бойтесь, госпожа, здесь никто вас не обидит. А если обидит, будет иметь дело со мной.

И так спокойно и уверенно прозвучал его голос, что она поверила.

Хашур оставил ее возле одной из мачт. Вышел на середину палубы и поклонился.

– Кто желает развлечься? Полагаю, сегодня я готов сразиться с дюжиной соперников разом.

Толпа зашумела, заволновалась. Один за другим из нее стали выходить мужчины – и все крупные, высокие, плечистые.

– Никакой магии, верно, Ву Финг? – спросил кто-то на угурском.

Что это, имя или прозвище? Туманный – вот как перевела для себя Ситара это слово. Хашур Туманный. Так он еще и маг?

– Никакой магии и никакого оружия, – степенно подтвердил Хашур, скидывая сандалии. Он прошелся по палубе босыми ногами, немного попрыгал и встряхнул руками. – Джиу, у тебя кинжал в рукаве. Брось.

Высокий и плотный угур прищурил маленькие черные глазки, но оружие из рукава вынул. Передал кому-то из матросов.

– Люн, цепь в кушаке. Я такой страшный? Вот что, братцы, раздевайтесь до пояса. Не хочу вас покалечить, но не могу обещать, что буду биться честно. Если почувствую сталь – могу не удержаться и прибить обидчика молнией. Капитан мне этого не простит. Я тоже разденусь – так будет честно.

Ситара затаила дыхание. Хашур по-прежнему не казался ей красавцем, но сейчас она разглядела в нем мужчину: смелого, дерзкого и уверенного в себе. Это было… странно. И когда его окружили голые до пояса матросы, тоже босые и в коротких штанах, подвязанных под коленками, она невольно затаила дыхание. Он был свой, а они – враги и чужаки. И когда по

гортанному крику кого-то незримого эти чужаки кинулись всем скопом на ее Хашура, принцесса испуганно пискнула.

А потом у нее даже горло перехватило от восторга. Маленький угур превратился в настоящий ураган. Он прыгал как лягушка, размахивая руками и ногами так быстро, что отдельных движений и не разобрать было. Противники отлетали прочь один за другим. Приглядевшись, Ситара поняла, что бил Хашур не только стремительно, но и точно: или в горло, или в живот, или в колени. И бил аккуратно: все упавшие резво отползали прочь. Никто лежать не остался.

Спустя считаные минуты возле угура вертелись лишь два матроса. Очевидно, они тоже немного умели драться. Во всяком случае, оба бодро уворачивались и махали ногами. Вот это было уже красиво, напоминало какой-то ритуальный танец. Прыжки, изгибы, перехваты. Оба противника действовали слаженно, явно сговорившись. Один отвлекал Хашура, второй наносил точные короткие удары то по бедру, то в плечо, и не от всех тот мог увернуться. С резким криком Хашур вдруг кувыркнулся назад, сдергивая с себя куртку и швыряя прямо в лицо сопернику. Тот замешкался, на мгновение ослепнув, – и отлетел прочь от сокрушительного удара ногой в грудь. Второй упал на палубу сам, явно понимая, что теперь его очередь быть битым.

– Я сдаюсь! – закричал он. – Ты победил, Ву Финг!

Ситара восхищенно выдохнула.

Маленький угур был весь мокрый от пота и тяжело дышал. На предплечьях краснели ссадины, на боках и груди уже наливались синяки. Один глаз у него был совсем заплывший. Но он победил, и победил честно! Один против двенадцати.

Улыбался гордо, вертел головой. Нашел взглядом Ситару и подмигнул ей.

Девушка прикусила губу.

Так кто же он такой, этот туманный Хашур?

Глава 8. Полезные уроки

Когда Хашур, уже умытый и одетый в привычный белый наряд, принес ужин, принцесса встретила его без особых восторгов.

– Что это было за представление там, на палубе? – Ситара делала вид, что вовсе и не впечатлена. – И какой смысл в драке без оружия? Любой разбойник перережет тебе глотку быстрее, чем ты взмахнешь рукой.

– Угуры бедны, – спокойно пожал плечами Хашур. – У них нет хорошего оружия. А против доброй стали у меня есть немного магии.

– Поэтому тебя так назвали – Ву Финг?

– Да. Я умею… напускать туман.

О, Ситара уже это заметила.

– Вам не понравилось представление, госпожа? – Угур казался искренне огорченным. – Я бился в вашу честь!

– Очень понравилось, – сжалилась принцесса. – Ты такой ловкий и сильный!

– Вы хотели научиться драться. Я могу дать несколько уроков.

– Зачем мне это? – нахмурилась Ситара. – Кинжал надежнее.

– Разве ваша Большая Мать не запрещает женщинам проливать кровь?

– Великая Мать.

– Я так и сказал. Поверьте, госпожа, в императорском дворце женщины не носят кинжалы. У них другое оружие.

– Яд? – понимающе кивнула Ситара.

– И когти, – ухмыльнулся Хашур.

– Когти?

– Да. Они отращивают длинные ногти и затачивают их. Могут и глаза выцарапать, и горло перерезать.

– Потрясающе, – кисло пробормотала принцесса. – И в такое прекрасное место ты меня везешь.

– Одно ваше слово, госпожа, и вы останетесь единственной женщиной во всем дворце. Мой император обещал, что избавится от всех жен и наложниц ради вас. А он не лжет.

– Я никогда этого не попрошу! – отчеканила Ситара гневно.

– Значит, отращивайте ногти, госпожа. И учитесь драться.

В голосе Хашура звучала насмешка, а в глазах плескалась тревога. Кажется, он тоже уже прикипел к забавной маленькой принцессе.

– Я не собираюсь становиться женой вашего Змея! – напомнила Ситара.

– Боюсь, у вас нет выбора.

Она вдруг вскочила с постели, схватила его за плечи и хорошенько встряхнула.

– Отпусти меня! – взмолилась она. – Ты ведь хороший, добрый! Пожалей! Я другого люблю! Ну представь, что я твоя сестра, твоя дочь! Разве отдал бы ты сестру чужому старику?

Хашур мягко убрал ее руки с плеч, покачал головой, поглядел с жалостью:

– Забудьте прошлое, госпожа. Поверьте, вы будете счастливы с императором. Много ли нужно женщине? Забота и безопасность. Подарки и спокойная жизнь. Все это у вас будет. К чему страдать? Удел женщины – смирение и покорность. Диких рабынь укрощают голодом и плетью, а послушным наложницам дарят жемчуга. Если б мою сестру захотел взять в свой дом большой человек, я бы отдал ее не раздумывая.

Ситара сникла. Ей стало ясно, что Хашур мыслит по-другому. Это и понятно, он мужчина. Но она-то не просто рыбачка или крестьянка, она – дочь дархана! Впрочем, ее и не наложницей брали, а женой… Достойно ее статуса.

Принцесса сжалась, обхватила плечи руками. Мотнула головой – нет, никогда она не станет покорной жертвой!

– Тогда научи меня драться! – потребовала она.

А что, в постель Угурский Змей вряд ли ложится с оружием. Там они будут на равных. Не прикоснется он к ней, она не позволит!

– Именно этого я и хочу, госпожа, – поклонился Хашур. – Но вначале вам придется научиться успокаивать мятежный дух. Холодный разум – преимущество и в битве, и в переговорах…

– И в спальне, – не удержалась от колкости Ситара.

– Ну нет, в спальне он как раз мешает, – фыркнул Хашур. – Садитесь, мы будем учиться искать точку покоя.

– Это я умею.

– Сомневаюсь.

– Говорю тебе, умею!

Ситара села на постель, скрестила ноги, расслабила плечи. Пальцы сложила в «перья голубя». Прикрыла глаза. Три глубоких вдоха, три коротких, задержка дыхания… Соскользнуть внутрь себя оказалось просто. Недаром она практиковалась каждый день этого ужасного путешествия!

– А вы и вправду умеете…

Голос Хашура доносился как сквозь толщу воды. Ситара откинула его прочь и представила Ингвара, конечно же. Где он сейчас? На коне ли скачет, пьет ли чай в шатрах? А может, возлежит сейчас на подушках с ее отцом?

– Расскажи мне, сколько нам еще плыть, Хашур? – спросила она, не открывая глаз.

– Обычно путешествие из Танорма в Каян занимает сорок дней. Это если ветер попутный. Но мы идем дорогой тумана, нам хватит и двадцати дней.

– Дорогой тумана? Это как?

– Неважно, моя госпожа. Отдыхайте. Позвольте вашему духу воспарить. В море это всегда сделать проще, чем на суше.

Ситара глубоко вздохнула и представила, как ее дракон (сегодня он был темно-синим, как морская глубина) расправил широкие крылья. Она была огромной и свободной. Пусть лишь мысленно, в своем воображении, но была! Взлетала в поднебесье, где воздух такой холодный, почти ледяной, ныряла в облака, похожие на молочный кисель, скользила вдоль волн, задевая белые шапки пены кончиками крыльев. Ей было так спокойно и легко!

Увидев вдалеке корабль, она с любопытством приблизилась к нему, с удовольствием разглядев на носу рыжие кудри. Ингвар, конечно, кто же еще! А рядом с ним? Отчего же дракон ее издал восторженный рев и едва не пустился в пляс? Неужели нашелся тот, кто поможет ему разбить скорлупу небытия и выбраться в подлунный мир? Кто он, этот незнакомец, высокий, гибкий, темноволосый? Ситара не смогла толком его разглядеть, просто ощутила его всей своей сутью.

Но почему не Ингвар, почему? Великая Мать, за что?

Нет, Ситара так не хочет!

Усилием воли открыв глаза (с драконом, даже призрачным, было все сложнее расставаться), девушка сморгнула злые слезы. И привидится же такая глупость! Нет на земле (и на море) того, кто сможет пробудить ее вторую ипостась. Зато есть Ингвар с его волосами как языки пламени, длинным носом и веснушками на нем, серыми смеющимися глазами, нежными губами, крепкими руками.

Хашур сидел на полу почти в такой же позе, как и Ситара. Подглядывал одним глазом, посмеивался, будто что-то знает. Увидев, что девушка встрепенулась, кивнул и предложил:

– Что насчет гимнастики?

– Где, здесь? – Она выразительно оглядела каюту, большую часть которой занимала огромная кровать.

– Прыгать можно и здесь, – пожал плечами угур. – Но на палубе будет удобнее. Уже стемнело, госпожа. Пойдемте, если не передумали.

Она, конечно, не передумала. Во всяком случае, сразу. Но вот, повторив движения, которые этот гибкий, как змея, человек ей показывал, такие простые, в чем-то даже знакомые, уже через несколько минут Ситара тяжело дышала и проклинала все на свете. А ведь она целыми днями валялась в постели, в то время как Хашур сегодня дрался с дюжиной крупных мужчин. И тем не менее он выглядел свежим и довольным, а девушка почему-то обливалась потом и закусывала губу от боли в поднятых руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.